

«МНЕ БРАМСА СЫГРАЮТ...»

Годами когда-нибудь в зале концертной
Мне Брамса сыграют – тоской изойду...

Прекрасные строки Пастернака таят в себе загадку. Какую – об этом чуть позже. А пока отметим, что за месяц с небольшим (начало декабря – середина января) музыка Брамса прозвучала в четырех концертах: симфоническом, камерно-ансамблевом и двух фортепианных. Тут, думается, не простое совпадение. И нечто большее, чем «эхо» 1983 года, когда отмечалось 150-летие со дня рождения автора «Венгерских танцев». Еще не так давно историки и теоретики исполнительского искусства, фортепианного в частности, с тревогой констатировали: романтическая музыка вытесняется из репертуара молодых артистов. Тогда же было высказано предположение, подтверждающееся сегодня: к музыкальной романтике еще обратятся взоры и чувства людей.

Четвертой симфонией Брамса открылось выступление филармонического оркестра в Большом зале Дома офицеров, состоявшееся незадолго до выдающегося события в биографии коллектива. Через несколько дней ему предстояло в качестве участника заключительного тура смотра-конкурса профессиональных симфонических оркестров РСФСР подняться на сцену Большого зала Московской консерватории, где он занял второе место и получил звание лауреата Всесоюзного конкурса. Что ж, за те годы, что оркестр возглавляет заслуженный артист РСФСР С. Коган, коллектив заметно вырос профессионально и действительно стал одним из лучших оркестров Российской Федерации.

В этом сезоне до сих пор нам как-то «не везло» с пианистами. И вот наконец-то два вечера, вознаградившие ожидания, принесшие ощущение: да, это оно, настоящее! Волнующие, запоминающиеся минуты подарили слушателям педагог РГМПИ Сергей Осипенко и лауреат международных конкурсов Дмитрий Алексеев (Москва). Оба включили в свои программы произведения Шумана и Брамса. Д. Алексеев, помимо того, играл еще и Шопена. Сближение этих имен мотивировано известными фактами музыкальной истории: свою первую критическую статью Шуман посвятил 20-летнему Шопену. А в последней своей статье он приветствовал начинающего Брамса. Брамс в свою очередь на протяжении всего творческого пути испытывал мощное воздействие личности и искусства старшего друга. Разве не свидетельствуют подобные концертные программы о том, что романтизм возвращается? Но возвращается обновленным: буквальных повторений история не знает. Сегодня это романтизм современный, далекий от необузданной стихийности, самоценной красочности и некоторой бесформенности, что некогда принято было считать свойствами романтического высказывания.

Превосходный музыкант, Д. Алексеев был особенно на высоте именно в исполнении Брамса, чьи семь фантазий соч. 116 открыли вечер в Малом зале филармонии. Чередование в этом цикле каприччио и интермеццо воспроизводит по сути излюбленную шумановскую антитезу, связываемую обычно с образами Флорестана и Эвзебия – неразлучных антиподов, пылкого бунтаря и застенчивого мечтателя, автобиографических персонажей музыкальных и литературных произведений Шумана. У Брамса персонажи эти словно стали старше, умудреннее. Не утратив врожденных черт характера, оба теперь не чужды философичности.

С музыки Брамса начали сонатный вечер в Малом зале филармонии и народная артистка Грузинской ССР Т. Габарашвили (виолончель) и заслуженный артист РСФСР В. Крайнев (фортепиано). Та же антитеза по-иному воплотилась в 1-й сонате композитора. Исполнительские манеры участников дуэта разительно несхожи. «Виолончель» темпераментнее и в этом смысле романтичнее, «рояль» сдержан, более склонен к наблюдению – классичнее. В принципе, дуэту не противопоказан психологический контрапункт.

Хотя программа С. Осипенко в Малом зале РГМПИ состояла только из произведений Шумана и Брамса, на его концерте словно присутствовали еще два имени. Уже с начальных тактов 1-й сонаты Шумана можно было почувствовать, что пианист услышал его «сквозь» Шуберта. Это было неожиданно, свежо и потому захватывающе. Взволнованность, яркая эмоциональность – всё это осталось, но на них пал отблеск душевного равновесия, а черты исключительности, чрезвычайности переживания, напротив, отодвинулись в тень. Не знаю, так ли думал артист, но услышалось в его исполнении именно это.

А что же второе имя? Я имею в виду незримое присутствие Бетховена – о нем напоминало мужественное, героико-драматическое прочтение многих страниц Шумана и Брамса.

Еще раз оговорю: у тех, кто сидел в зале рядом со мной, могут возникнуть другие ассоциации, иной образ исполнения. Бесспорно лишь, что С. Осипенко решительно и в то же время тактично снимает с популярных произведений «хрестоматийный глянец», стремится заново, словно впервые, осмыслить и почувствовать мир композитора. Что же касается поэтических строк Пастернака, то мне, например, никогда не казалось, что тоска – доминирующая краска в эмоциональной палитре Брамса. Потому и отроки Пастернака звучат для меня загадочно. А может, загадки нет? Просто он так слышал?

Когда-нибудь мне снова сыграют Брамса, и это будет, скорее всего, «другой» Брамс. Благодаря исполнителю я услышу какие-то иные мотивы, казавшиеся второстепенными или незамеченными вовсе.

Комсомолец. 1984. 31 янв.